

Воспоминанія о приснопамятномъ святителѣ Филаретѣ, Митрополитѣ Московскомъ,

Преосвященнаго Амвросія Архіепископа Харьковскаго.

Тяжелое впечатлѣніе на сердца читателей памяти въ Бозѣ почивающаго святителя Филарета, митрополита Московскаго, произвелъ отзывъ о немъ знаменитаго историка Сергѣя Михайловича Соловьева, найденный въ его „Запискахъ“ и обнародованный въ прошедшемъ году ¹⁾. Разумѣется, это впечатлѣніе отразилось съ особенною силой въ душахъ его современниковъ, имѣвшихъ счастье пользоваться его благосклонностію и стоять къ нему въ нѣкоторой близости, которая позволяла видѣть въ немъ нѣкоторыя свойства, чѣмъ тѣ, которыя такъ рѣшительно приписываетъ ему С. М. Соловьевъ, очевидно, основывавшій свое сужденіе больше на молвѣ современниковъ чѣмъ на фактахъ непосредственно ему извѣстныхъ.

Не выписывая подлинныхъ словъ г. Соловьева, обидныхъ для памяти святителя, я ограничусь только указаніемъ на двѣ черты въ характерѣ митрополита Филарета, отмѣченныя Соловьевымъ. Первая—что онъ, при блестящихъ дарованіяхъ, былъ человѣкъ безсердечный, любилъ низкопоклонничество, возвышалъ только людей ограниченныхъ и, по горделивости и гнѣвливости, держалъ въ крайнемъ униженіи и страхѣ подчиненное ему духовенство. Вторая черта—что онъ не терпѣлъ людей даровитыхъ, видя въ нихъ себѣ соперниковъ, и былъ гонителемъ талантовъ.

¹⁾ *Вѣстникъ Европы*. Іюль 1896 г., стр. 698—700.

Входить въ общія разсужденія о характерѣ и дѣятельности митрополита Филарета, защищать его и препираться съ кѣмъ-либо за него,—я почитаю грѣхомъ. Зная, что и свв. апостолы признавали за собою грѣхи немощи человѣческой (1 Иоан. 1, 8),—зная великіе труды и заслуги для Православной Церкви, приближающіе Филарета къ древнимъ ея отцамъ и учителямъ,—уповая, что онъ нынѣ ходатайствуетъ о насъ предъ Богомъ,—можемъ ли мы касаться какимъ-либо образомъ его недостатковъ, выставляемыхъ неосторожнымъ его порицателемъ? Я лично чту въ немъ своего рукоположителя и благодѣтеля, и почитаю себя счастливымъ, что могу сообщить, въ утѣшеніе почитателямъ его памяти, факты, уничтожающіе горечь оскорбительныхъ сужденій о немъ г. Соловьева.

Я родился въ 1820 году, въ городѣ Александровѣ, Владимірской епархіи, былъ, по милости митрополита Филарета, принятъ на воспитаніе, съ 14 лѣтъ, въ Виѣанскую семинарію, и съ этого времени могъ считать себя принадлежащимъ къ Московской епархіи. По окончаніи курса въ Московской Духовной Академіи, я былъ опредѣленъ на службу профессоромъ Виѣанской семинаріи; черезъ четыре года рукоположенъ во священника въ Москвѣ и 20 лѣтъ служилъ подъ непосредственнымъ начальствомъ митрополита Филарета. Итакъ, почти 40 лѣтъ я смотрѣлъ съ благоговѣніемъ на великаго архипастыря, тренеталъ на его экзаменахъ, слышалъ и испыталъ на себѣ, что онъ былъ грозою для вѣреннаго ему духовенства (и только духовенства) и теперь, обращаясь къ прошедшему съ безпристрастіемъ зрителя, свободнаго уже отъ личныхъ ощущеній и острыхъ впечатлѣній, я только размышляю о результатахъ его строгости къ духовенству. Теперь видно, что его трудами воспитано въ его епархіи духовенство—твердое въ ученіи Православной вѣры, исполнительное въ своемъ служеніи, смиренное и искренно-покорное священной власти, чуждое своеволія и самочинія. Это ли не прекрасный плодъ его своеобразной дѣятельности въ управленіи Московскою паствою?

Въ 1848 году я былъ рукоположенъ во священника къ Московскому женскому Рождественскому монастырю. Первые со-

вѣты на новомъ служеніи давалъ мнѣ протоіерей Сергій Алексѣевичъ Владимірскій, пользовавшійся глубокимъ уваженіемъ въ Москвѣ и особенною благосклонностію митрополита Филарета, который называлъ его „мужемъ совѣта“. Я имѣлъ въ супружествѣ дочь Сергія Алексѣевича и радовался, что принадлежалъ къ его семьѣ. Но прошло только четыре мѣсяца послѣ моего рукоположенія, какъ скончался мой второй отецъ, оставивъ вдову и восемь человѣкъ не пристроенныхъ дѣтей, начиная отъ студента университета до младенца, бывшаго на рукахъ няньки. Ужасъ объялъ меня при этомъ несчастіи. Какая предстояла участь семьѣ, когда все состояніе ея осталось только въ домѣ при Казанской, у Калужскихъ воротъ, церкви, къ которой, незадолго до смерти, Сергій Алексѣевичъ былъ переведенъ владыкою изъ Казанскаго собора? И вотъ меня, молодого священника, Владыка переводитъ на мѣсто покойнаго, для поддержанія семьи, въ одинъ изъ самыхъ лучшихъ московскихъ приходовъ. И замѣчательно, что, по уваженію къ покойному протоіерею Сергію Алексѣвичу и сожалѣнію къ осиротѣвшему его семейству, никто изъ московскаго духовенства не произнесъ ни единого слова ропота на то, что такой приходъ данъ молодому священнику. Въ этой благословенной семьѣ я прожилъ пятнадцать счастливейшихъ лѣтъ моей жизни. Матушка Екатерина Семеновна была вся любовь и ангелъ кротости, дѣти росли—одинъ лучше другаго. Постепенно они выходили изъ моего дома; дочери стали примѣрными матерями семействъ, а сыновья заняли въ послѣдствіи почетныя должности. Нѣкоторые изъ нихъ уже померли, иные живы, но всѣ они оказались людьми религіозными, высокой честности и неутомимыми дѣателями на службѣ. Остающіеся въ живыхъ, и въ генеральскихъ чинахъ, относятся ко мнѣ съ тою же любовію, какую я видѣлъ отъ нихъ въ ихъ дѣтствѣ. Это составляетъ для меня и въ настоящее время великое утѣшеніе. Таковы были благотворныя послѣдствія милости, оказанной владыкою почтенному семейству любимаго имъ протоіерея.

Въ наставленіяхъ мѣѣ, какъ молодому священнику, покойный второй отецъ мой съ особенною заботливостію предупреждалъ

далъ меня относительно осторожнаго обращенія съ митрополитомъ. „Смотрите,—говорилъ онъ,—владыка любитъ сбивать ученую гордость магистровъ, учить смиренію, школить ихъ. Принимайте съ покорностію замѣчанія, какъ бы они ни были рѣзки, никогда не возражайте. Всякое проявленіе гордости губить молодого священника во мнѣніи митрополита“. Меня по системѣ владыки надобно было смирить больше чѣмъ другихъ, чтобы я не подумалъ, что видное положеніе въ духовенствѣ и обществѣ я занялъ по личнымъ достоинствамъ, а не по милости къ осиротѣвшему семейству заслуженнаго протоіерея. Обращеніе владыки со мною въ первые годы моего служенія было строго, а иногда даже и сурово. Вотъ примѣры:

Въ моемъ богатомъ и многолюдномъ приходѣ была старинная тѣсная церковь. Я счелъ своимъ долгомъ озаботиться построеніемъ новой. Поступившій при началѣ моего служенія въ должность церковнаго старосты почтенный старецъ, московскій купецъ Иванъ Несторовичъ Епанешниковъ охотно взялся за это дѣло. Онъ такъ раздѣлилъ со мною трудъ: „Ты, батюшка, смотри за рисунками и толкуй съ архитекторами. У меня голова—тыква, я въ этомъ ничего не понимаю. Мое дѣло—кирпичики“. И онъ неутомимо слѣдилъ за сооруженіемъ величественной трапезной церкви и, сидя на лавочкѣ у сосѣдняго дома противъ церкви, любовался, какъ успѣшно складываются его „кирпичики“, и говорилъ съ радостію: „ростетъ, растетъ“. Кстати скажу, въ память благочестиваго старца, что и я умилился, видя его восторгъ, когда храмъ былъ совершенно оконченъ—обширный, свѣтлый, сіявшій золотомъ, и онъ, сидя у своего свѣчнаго ящика, при послѣднихъ внутреннихъ работахъ предъ освященіемъ храма, воскликнулъ со слезами: „что это? Въ раю что-ли я?“

Начатый въ 1850 году, храмъ въ 1853 году былъ оконченъ. Митрополитъ освятилъ его. Москвичи знаютъ этотъ храмъ. И вотъ, мои прихожане спрашиваютъ, чѣмъ владыка наградитъ священника? И я, грѣшный человѣкъ, думалъ, что послѣ службы въ теченіе четырехъ лѣтъ профессоромъ семинаріи и уже пяти лѣтъ священникомъ, послѣ трудовъ по сооруженію храма, увижу

какой-нибудь знакъ вниманія отъ владыки. Поѣхали мы со старостой благодарить его за освещеніе храма. Староста вошелъ ко владыкѣ прежде меня. Слышу въ полуотворенную дверь его громкую рѣчь въ похвалу мнѣ. „Если бы не бютюпка, говорилъ онъ, я бы и въ старосты не пошелъ“. Думаю: дѣло идетъ хорошо. Позвали меня. Строго принялъ меня владыка. Сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній о недосмотрахъ моихъ въ построеніи храма, —и только. Мнѣ не дано было даже и набедренника. Грустно, но дѣлать нечего.

Послѣ, когда уже я получилъ нѣсколько наградъ, преосвященный Леонидъ на одномъ служеніи замѣтилъ, что у меня при наперсномъ крестѣ нѣтъ набедренника, и спросилъ: „Что это значить, что у васъ набедренника нѣтъ?“—„Не даете“, отвѣчалъ я. Онъ доложилъ объ этомъ митрополиту. Въ первый затѣмъ праздникъ преосвященный возложилъ на меня набедренникъ, и когда я пришелъ благодарить владыку за награжденіе, онъ сказалъ: „извини, позабыли“. Вообще не щедро награждалъ владыка духовенство, но за то и высоко цѣнились награды въ его время.

Московскому духовенству памятно, какое тщательное вниманіе митрополитъ Филаретъ обращалъ на очередныя проповѣди священниковъ, а также и діаконовъ, при ихъ прошеніяхъ на священническія мѣста. По проповѣдямъ онъ оцѣнивалъ способности священнослужителей и выбиралъ людей. И никто не могъ сказать, чтобы кто-нибудь изъ даровитыхъ людей былъ имъ не замѣченъ. Всѣ должности по епархіальной службѣ были замѣщаемы имъ достойнѣйшими людьми. Мнѣ же самую строгую школу пришлось пройти именно въ дѣлѣ проповѣди. Съ самаго начала, по сравненію съ академическими диссертациями, мнѣ казалось нетруднымъ написать небольшую проповѣдь. Я и написалъ первую проповѣдь безъ особенной заботливости. И вотъ, когда я пришелъ получить ее отъ владыки обратво, онъ вышелъ ко мнѣ гнѣвный и, отдавая вчетверо сложенную рукопись, сказалъ: „На,—у меня діаконы лучше пишутъ. Надо больше разсуждать“. Это—первый урокъ. Потомъ между также неудачными проповѣдями одна заслужила одоб-

реніе владыки, и онъ, отдавая ее, сказалъ: „Хороша твоя проповѣдь, спасибо тебѣ“. Но послѣ этой пошли одна за другой неудачи. Отъ того ли, что я ничего не писалъ, кромѣ очередныхъ проповѣдей, назначаемыхъ разъ въ годъ для Успенскаго собора и отвыкъ отъ сочиненій, или хитрилъ въ выборѣ темъ и отъ лишняго старанія осложнялъ дѣло, или, наконецъ, не умѣлъ разбираться въ хаосѣ представляющихся мыслей (чѣмъ всегда затруднялся), только почти все, чтѣ было представляемо, не было разрѣшаемо для произнесенія, и владыка все напоминалъ мнѣ объ удачной проповѣди: „Ты прежде лучше писалъ“. Разъ онъ отдалъ мнѣ проповѣдь со словами: „Ученіе изложено правильно“, но все-таки произносить не позволялъ. Но особенно памятенъ мнѣ одинъ случай. Я представилъ длинную проповѣдь. Владыка, держа ее въ рукахъ, говоритъ: „есть частныя мысли хорошія; но кто станетъ слушать такую нѣмецкую проповѣдь?“ Я сказалъ въ свою защиту:

— Но вѣдь я старался, владыко святой, мнѣ хотѣлось раскрыть предметъ.

-- Да ты пиши себѣ дома хоть цѣлую книгу, а тутъ надо дѣлать, что велятъ.

Грустно мнѣ стало; слезы градомъ полились изъ глазъ. Владыко сказалъ:

-- Ну, ты успокойся!

Принявъ благословеніе, я пошелъ вонъ изъ длинной пріемной комнаты. Но лишь только я приблизился къ двери, владыка вслѣдъ мнѣ очень громко произнесъ:

— Да, ты успокойся!

Не легко было успокоиться.

Часто я обдумывалъ свое положеніе и искалъ объясненій строгаго обращенія, а иногда и рѣзкихъ замѣчаній владыки по разнымъ представлявшимся случаямъ. Когда мои сверстники получали разныя должности по епархіальному управленію, мнѣ никакой не давали. Между тѣмъ слышу отъ одного архимандрита отзывъ владыки обо мнѣ: „онъ человекъ мыслящій“. Другой говоритъ мнѣ: „васъ предлагали въ члены консисторіи, но митрополитъ сказалъ: не развлекайте его!“ Чтѣ все это

значило, объяснилось въ 1863 году. Къ этому объясненію я и клоню весь рассказъ, о всѣхъ моихъ неудачахъ въ проповѣдничествѣ, чтобы читатели имѣли возможность видѣть, что значило строгое обращеніе митрополита съ духовенствомъ, и какъ мудро и терпѣливо воспитывалъ онъ въ молодыхъ священникахъ способность и усердіе къ дѣлу.

20 декабря 1863 года я чрезъ секретаря представилъ владыкѣ проповѣдь на Новый Годъ „О воспитаніи характеровъ“¹⁾. Меня ввели въ спальню владыки. Я увидѣлъ его сидящимъ въ глубинѣ комнаты на липовой кровати съ перомъ въ рукахъ. Онъ указалъ мнѣ на близъ стоящій стулъ и сказалъ:

— Садись, читай!

Я началъ чтеніе, владыка молчитъ. По временамъ я взглядываю на него и замѣчаю, что онъ пристально на меня смотритъ, и глаза его горятъ. Я кончилъ и услышалъ безъ всякихъ замѣчаній два слова: „скажи въ соборѣ“. Въ первый день Нового Года я произнесъ въ Успенскомъ соборѣ проповѣдь. Когда въ урочное время, по произнесеніи, я подошелъ принять благословеніе владыки, онъ сказалъ: „зайди ко мнѣ“. Это значило, какъ мнѣ объяснили, зайти на чай и завтракъ въ Чудовомъ монастырѣ. Отъ волненія и неожиданности мнѣ было не до завтрака. По окончаніи завтрака, я изъ послѣднихъ подошелъ къ владыкѣ благодарить и принять благословеніе. Онъ взялъ меня за руку и говоритъ:

— Вчера я представилъ тебя въ протоіереи, остальное сдѣлаетъ Святѣйшій Синодъ.

Итакъ, это представленіе послано на другой день по прочтеніи ему моей проповѣди. Но это еще не все.

Вскорѣ, на рождественскихъ праздникахъ, я, съ разрѣшенія владыки, отправился въ Петербургъ для развлеченія въ моей однообразной жизни во вдовствѣ и свиданіи съ добрыми знакомыми, переѣхавшими изъ Москвы туда на службу и занимавшими видныя мѣста. Въ числѣ ихъ оказывалъ мнѣ особое расположеніе князь Сергѣй Николаевичъ Урусовъ, бывшій

¹⁾ Напечатано въ первомъ выпускѣ моихъ проповѣдей, 1874 г.

тогда товарищемъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода. Въ первое посѣщеніе я не нашелъ князя дома; онъ былъ въ Москвѣ. Узнавъ о возвращеніи его, я снова отправился къ нему. Съ первыхъ же словъ послѣ привѣтствія онъ спрашиваетъ меня:

— Что вы сдѣлали съ вашимъ митрополитомъ?

— Ничего, отвѣчалъ я.—Не понимаю вашего вопроса.

— А вотъ я вамъ расскажу. Я былъ у митрополита по дѣламъ Святѣйшаго Синода. Наканунѣ отъѣзда изъ Москвы, доложивъ послѣднія дѣла, я выразилъ намѣреніе проститься съ владыкой и принять его благословеніе. Вдругъ онъ встаетъ и кланяется мнѣ въ поясъ самымъ глубокимъ поклономъ. Я оторопѣлъ, не понимая, что это значить. Владыка говоритъ:

— Передайте этотъ мой поклонъ Святѣйшему Синоду съ покорнѣйшею моею просьбой.

— Приказывайте, владыко. Святѣйшій Синодъ сочтетъ за удовольствие исполнять всякое ваше желаніе.

— Я на дняхъ представилъ священника Ключарева въ протоіереи и прошу у Синода милости не отказать въ утвержденіи его въ этомъ санѣ.

— Помилуйте, это такое простое дѣло, что ваше высокопреосвященство не имѣете надобности такъ просить.

Но этимъ не кончилось. Проводивъ меня чрезъ всю свою залу до дверей, онъ повторилъ и свой поклонъ, и просьбу.

— Объясните мнѣ, что все это значить, заключилъ князь. —Я не понимаю!

Я рассказалъ князю о милостивыхъ словахъ, сказанныхъ мнѣ владыкой въ Чудовѣ монастырѣ, и прибавилъ, что все это, вѣроятно, по поводу проповѣди на Новый Годъ, которая поправилась митрополиту и которую вы увидите въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*.

— Удивительно, замѣтилъ князь.—За такіе поклоны, я не знаю, какой награды не далъ бы вамъ Святѣйшій Синодъ!

Съ этого времени произошелъ рѣшительный переломъ въ обращеніи владыки со мною. До самой кончины его, я видѣлъ отъ него только милости, довѣріе, откровенность, какую по-

зволюли ему его положеніе и характеръ,—и мнѣ дана была такая свобода слова, что я осмѣливался спорить съ нимъ и давать такія объясненія на его вопросы, на которыя въ прежнее время никакъ бы не рѣшился. Приведу примѣры, особенно замѣчательные въ томъ отношеніи, что въ рѣчахъ владыки высказывались его взгляды на событія времени и обнаружилась перемѣна въ его обращеніи съ духовенствомъ.

Однажды я пришелъ къ нему по дѣлу и, принявъ благословеніе, стоя ожидалъ его отвѣта.

— Садись! сказалъ онъ.

— Я медлю и говорю:

— Владыка, мнѣ совѣстно сидѣть передъ вами.

— Садись, нынѣ такое время, повторилъ онъ.

Я сѣлъ.

Не увидитъ ли читатель въ этихъ словахъ святителя, что его обращеніе съ подчиненными соображалось *со временемъ*. Приглашеніе молодого священника садиться началось съ царствованія Александра II, чего не было въ строгое царствованіе Николая I.

Въ шестидесятыхъ годахъ я открылъ при своей приходской церкви первый попечительный совѣтъ о приходскихъ бѣдныхъ. Когда я представилъ владыкѣ прешеніе о разрѣшеніи на это учрежденіе, онъ сказалъ: „Этотъ способъ благотворенія по приходамъ я предлагалъ еще при Александрѣ I“. Потомъ съ грустью прибавилъ: „Вотъ время, когда можно бы дѣло дѣлать, но уже силъ нѣтъ.“ Свой приходскій совѣтъ, по неопытности, я не сумѣлъ организовать какъ должно и поддержать его, за что потомъ и упрекнулъ меня митрополитъ. Теперь эти учрежденія процвѣтаютъ въ Москвѣ.

Столь же замѣчательныя слова сказаны были митрополитомъ, когда онъ благословилъ меня на изданіе *Душеполезнаго Чтенія* въ 1860 году. Принявъ милостиво программу изданія и давъ ему названіе, онъ сказалъ: „Я на тебя надѣюсь; но есть ли у тебя сотрудники?“ Я назвалъ рекомендованныхъ мнѣ А. В. Горскимъ, въ качествѣ соредакторовъ, священниковъ: Василія Ивановича Лебедева (умершаго въ 1863 году) и Васи-

лія Петровича Нечаева, — нынѣ преосвященнаго Виссаріона, епископа Костромскаго ¹⁾). Онъ спросилъ отъ насъ пробныхъ статей, дѣлйй день читалъ ихъ, какъ потомъ сказалъ мнѣ его секретарь, и затѣмъ, отдавая ихъ съ одобреніемъ, сказалъ: „Я готовъ служить вамъ чѣмъ могу, но *вы свободны*.“ Сравните, читатель, эти слова съ отзывомъ С. М. Соловьева объ угнетенія талантовъ митрополитомъ Филаретомъ. Ясно, что великій архипастырь зналъ что дѣлалъ, когда остерегался давать свободу писательства духовенству въ царствованіе Императора Николая Павловича, и строго наблюдалъ за его поведеніемъ для охраненія его и своей чести.

Приведу нѣсколько примѣровъ, чтобы показать какую свободу слова митрополитъ Филаретъ позволялъ въ разговорѣ съ нимъ тѣмъ изъ духовенства, которыхъ удостоивалъ своего довѣрія.

Въ 1867 году я представилъ владыкѣ проповѣдь „О вѣротерпимости“. Въ ней, чтобы опредѣлить понятіе о вѣротерпимости, я напелъ нужнымъ показать прежде, что такое *ревность по вѣрѣ*, ограниченіе которой и составляетъ *вѣротерпимость*.

У владыки была собственная проповѣдь „О ревности“. Онъ опредѣлилъ ревность такъ: „ревность есть духовный огонь“. Я же опредѣлилъ такъ: „ревность есть забота любви о приобрѣтеніи и сохраненіи привязанности дорогихъ для насъ людей, ихъ чести и благосостоянія“. Владыка потребовалъ объясненія, какъ относится это понятіе къ ревности по вѣрѣ? Я сказалъ, что Слово Божіе, какъ вообще любовь Божію къ намъ объясняетъ любовь нашу къ людямъ, какъ на примѣръ родителей къ дѣтямъ, такъ и силу любви Божіей къ намъ даетъ намъ понять острое чувство ревности, которое испытываемъ при опасеніи утратить любовь дорогихъ намъ людей. Такъ въ писаніи говорится отъ имени Божія: *Азъ есмь Господь Богъ твой, Богъ ревнитель* (Исх. 20, 5). Владыка задумался. Но

¹⁾ Не имѣя способности къ постоянной кабинетной работѣ, я оставался только шесть лѣтъ редакторомъ „Душеполезнаго Чителѣ“, предоставивъ дѣло трудолюбивому В. П. Нечаеву, за что и достойно чествовало его духовенство въ празднованіе 25-лѣтняго юбилея этого изданія.

тѣни неудовольствія не замѣтно было на лицѣ его отъ того, что я рѣшился оспаривать его собственное опредѣленіе. Потомъ сказалъ: „Въ такомъ случаѣ прибавь къ своему опредѣленію „ревность, какъ естественное чувство, дѣйствующее въ обществѣ человѣческомъ“. Я такъ и сдѣлалъ ¹⁾).

Однажды въ домѣ своего родственника встрѣтился я съ бывшимъ въ Москвѣ градскимъ головою и недавно умершимъ Иваномъ Артемьевичемъ Лямынымъ. Онъ въ разговорѣ выразилъ мнѣ свою скорбь, что митрополитъ обидѣлъ его, не далъ ему своихъ пѣвчихъ для концерта, предположеннаго для воспитанниковъ мѣщанскихъ училищъ, между тѣмъ какъ далъ ихъ г-жѣ С. для концерта въ дворянскомъ собраніи.—„А я“, прибавилъ Иванъ Артемьевичъ, „уже разослалъ было пригласительные билеты знакомымъ“. Мнѣ жалъ было, что почтенный человѣкъ имѣетъ неудовольствіе на митрополита. Какъ разъ послѣ этого свиданія мнѣ нужно было ѣхать къ митрополиту съ новенькою книжкой *Душеполезнаго Чтенія*. Думаю: доложу я объ этомъ владыкѣ. Представивъ книжку и замѣчая, что владыка уже хочетъ отпустить меня, я сказалъ: „Простите, ваше высокопреосвященство, я рѣшаюсь доложить вамъ о стороннемъ для меня дѣлѣ, но касающемся васъ“.

— Чтò такое?

— Иванъ Артемьевичъ Ляминъ сейчасъ высказалъ мнѣ большое неудовольствіе на васъ за то, что вы не дали ему пѣвчихъ для концерта въ Мѣщанскомъ училищѣ, тогда какъ дали С—вой въ Дворянское собраніе.

— Вотъ еще, сказалъ горячо владыка,—тѣшить мальчишекъ!

— Нынѣ, владыко святой, отвѣчалъ я,—мальчишекъ тѣшать всѣми способами, новоизобрѣтенными научными опытами, фокусами, музыкой и пр., находя во всемъ этомъ способы ихъ развитія, а духовные концерты въ этомъ отношеніи наиболѣе полезны.

— Но тамъ концертъ былъ съ благотворительною цѣлью.

— Это хуже, владыко святой.

¹⁾ Первый выпускъ, стр. 43.

— Почему?

— Тамъ благотвореніе,—добродѣтель требующая подвига и самопожертвованія,—смѣшивается съ удовольствіемъ и теряетъ свое настоящее значеніе. Къ подвигу нельзя подкупить удовольствіемъ. И духовное утѣшеніе послѣдуетъ за подвигомъ добродѣтели, а не предшествуетъ ему.

Владыка остался въ задумчивости и отпустилъ меня. На другой день слышу, что владыка пригласилъ къ себѣ Лямина и сказалъ ему: „Ключаревъ убѣдилъ меня—возьмите пѣвчихъ!“

Скажите, читатель: могъ ли такой гениальный человѣкъ и великій іерархъ, какимъ былъ митрополитъ Филаретъ утѣшаться лестію, низконоклонничествомъ, выводить въ люди льстецовъ, когда онъ такъ благодушно выслушивалъ возраженія, позволялъ съ собою спорить и уступалъ во мнѣніяхъ приходскому священнику? Онъ своимъ взглядомъ насквозь пронизывалъ человѣка и, при своей высокой натурѣ, конечно, не могъ выносить низости и грубой лести.

Однажды отправился я къ митрополиту въ Геосиманскій скитъ съ принесеніемъ благодарности за пожалованіе мнѣ ордена Св. Анны 3-й ст. На желѣзной дорогѣ я встрѣтился въ одномъ купѣ съ архимандритомъ Гуріемъ, бывшимъ начальникомъ китайской миссіи, ѣхавшимъ также ко владыкѣ. Конечно, мы тотчасъ познакомились и всю дорогу пріятно бесѣдовали. Между прочимъ, отецъ Гурій сказалъ мнѣ, что онъ уже оставилъ миссію и назначается настоятелемъ Соловецкаго монастыря. По приѣздѣ въ скитъ, я прежде его былъ введенъ ко владыкѣ. Изъявивши свою благодарность и сидя предъ владыкой на деревянной скитской лавочкѣ, я почувствовалъ смѣлость и рѣшился сказать ему:

— Простите, ваше высокопреосвященство,—я осмѣливаюсь вмѣшиваться въ чужое дѣло.

— Что такое?

— Приѣхалъ я сюда вмѣстѣ съ архимандритомъ Гуріемъ, бывшимъ начальникомъ китайской миссіи.

— Знаю.

— Онъ сказалъ мнѣ, что назначается настоятелемъ въ Соловецкій монастырь... Изъ Пекина въ Соловки... Вѣдь это—изъ бани да въ погребъ!

— Правда.

Вскорѣ отецъ Гурій вмѣсто Соловецкаго монастыря былъ назначенъ настоятелемъ Московскаго Симонова монастыря; потомъ вскорѣ онъ былъ возведенъ въ санъ епископа Таврическаго. Я ли, вѣтъ ли, былъ виновникомъ освобожденія его отъ назначенія на сѣверъ, но милостивое принятіе отъ меня даннаго владыкѣ объясненія отмѣчая опять какъ доказательство свободы слова, какую онъ позволялъ подчиненнымъ.

— Однажды я позволилъ себѣ такую свободу въ рѣчи съ митрополитомъ, что потомъ опасался за послѣдствія.

— Скажи мнѣ,—спросилъ владыка,—какъ ты смотришь на современную вражду между бѣлыми и чернымъ духовенствомъ?

— Для насъ причины этой вражды совершенно ясны, отвѣчалъ я,—по нашей академической жизни.

— Ну, расскажи, я въ Академіи не былъ.

Рассказываю. При поступленіи въ Академію мы сѣзжаемся изъ многихъ и разныхъ епархій. Другъ другомъ интересуемся. Начинаются рассказы, разсужденія, споры. Юность общительна и доверчива. Изъ разговоровъ мы узнаемъ другъ въ другѣ способности, склонности, характеры. И очень скоро составляется оцѣнка выдающихся молодыхъ людей, оцѣнка такая вѣрная, какой не могутъ сдѣлать начальники и наставники. Этимъ отмѣченнымъ товарищамъ другіе, сознающіе себя менѣе способными, охотно уступаютъ первыя скамьи въ классахъ, и всѣ къ этой сортировкѣ привыкаютъ. Вдругъ получается извѣстіе, что студентъ съ задней скамьи подалъ прошеніе о постриженіи въ монашество. Наблюдаемъ. Его начинаютъ повышать въ спискахъ и потомъ опредѣляютъ по службѣ на болѣе видное мѣсто, въ обиду лучшимъ студентамъ, сажаютъ ихъ, такъ-сказать, имъ на голову.

— Не хорошо это дѣлаютъ.

— Тѣмъ не менѣе это дѣлается. Мы знаемъ, что и особенно даровитые, и средней руки ученые монахи естественно должны возвышаться отъ одной должности къ другой, получать отличія, почести, удобства жизни. Мы этому не завидуемъ; зато мы пользуемся благами семейной жизни. Но вотъ что ос-

корбляетъ насъ, это—забвеніе съ ихъ стороны старыхъ товарищескихъ и дружескихъ отношеній, которыя въ годы цвѣтущей юности сознательны и большею частію очень крѣпки. Когда идутъ, мы прислушиваемся какъ наши сверстники отличаются и возвышаются, радуемся за старыхъ друзей. Но вотъ чрезъ двадцать и болѣе лѣтъ пріѣзжаетъ новый преосвященный въ епархію, гдѣ служить его старый товарищъ. Этотъ ждетъ его съ радостію, представляется ему съ довѣріемъ и любовію, но замѣчаетъ, что начальникъ какъ будто не узнаетъ его; тотъ называетъ себя по имени и слышитъ въ отвѣтъ: „не помню, не знаю“, или со снисходительностію, обращаемою какъ будто къ малому ребенку, говорить: „да, да помню, знаю“, и затѣмъ большею частію устанавливаются между старыми друзьями чисто формальныя, а иногда для подчиненнаго и обидныя отношенія. Вотъ чего мы простить имъ не можемъ.

Разговоръ прекращенъ былъ на этомъ мѣстѣ пріѣздомъ ко владыкѣ посѣтителя. Моя откровенность непріятныхъ послѣдствій для меня не имѣла.

Не могу вспомнить безъ живаго чувства любви и благодарности къ нѣкогда грозному для меня владыкѣ, съ какою отеческою простотою и снисходительностію онъ оказалъ мнѣ благодѣяніе. Діаконъ церкви, при которой я служилъ, переведенъ былъ во священника; мѣсто его оказалось свободнымъ. Вскорѣ затѣмъ я пріѣхалъ ко владыкѣ со статьею для *Душеполезнаго Чтенія*. Онъ принялъ меня въ столовой комнатѣ, сяди у жарко натопленной печки, въ пуховыхъ перчаткахъ. „Вотъ“, сказалъ онъ при моемъ входѣ, „руки забнутъ“... Когда я сѣлъ близь него и отъ жара у меня по лицу изъ-подъ комилавки потекли ручьи пота, онъ замѣтилъ: „тебѣ кажется жарко; пересядь сюда“.

Съ сердечною скорбію и жалостію смотрѣлъ я на истощеніе жизни въ этомъ великомъ чловѣкѣ, и его кротость трогала меня до глубины души. По окончаніи чтенія я всталъ и говорю:

— Ваше высокопреосвященство, позвольте мнѣ спросить васъ о великой для меня милости!

— Что такое!

— Вы изволили перевести во священники діакона церкви, при которой я служу. Благоволите опредѣлить на его мѣсто студента семинаріи изъ хорошаго семейства, вамъ извѣстнаго, со взятіемъ въ супружество сироты, моей племянницы. Я прошу не по бѣдности невѣсты, я награжу ее какъ должно; но я вдовъ и одинокъ въ настоящее время, и мнѣ хотѣлось бы имѣть подлѣ себя близкое родственное семейство.

И вотъ отвѣтъ:

— Хорошо, я это для тебя сдѣлаю, но ты ужъ не зѣвай!

Выходя отъ владыки, я спрашиваю секретаря: что значитъ послѣднее слово митрополита?

— А это значитъ, что вы должны поскорѣе собрать на прошеніи подписи прихожанъ. Мѣсто у васъ видное; поступаетъ множество прошеній о немъ отъ московскихъ діаконѡвъ. При назначеніи владыкъ нужно опираться на выборъ прихожанъ.

Личная просьба моя была высказана владыкѣ въ субботу; въ воскресенье я передалъ секретарю прошеніе. Въ понедѣльникъ утромъ пріѣхалъ справиться о своемъ дѣлѣ. На лѣстницѣ толпа діаконѡвъ; подано 36 прошеній.

— Какъ мое дѣло?—спрашиваю секретаря.

— Резолюція „опредѣлить“, отвѣчалъ онъ.

Такъ въ великой душѣ митрополита Филарета было два человека: человекъ ума, закона, долга, правды, порядка, и— человекъ глубоко затаенной любви, кротости и милости. Только тотъ, кто имѣлъ счастье взглянуть въ эту внутреннюю сторону жизни великаго святителя, можетъ имѣть о немъ цѣльное и вѣрное понятіе. Приглашаю остающихся въ живыхъ современниковъ его, испытавшихъ на себѣ его милости, сказать о немъ слово любви и благодарности. А я не хочу свои дорогія воспоминанія унести съ собою въ могилу.
